
В.З. Головина (Воронина)¹

Мое знакомство с Островским

Познакомилась я с Александром Николаевичем в Самаре в зиму 1847 или 1848 года, не помню хорошенько.

Помню только, что Александр Николаевич где-то служил² и приехал в Самару с Евгением Николаевичем Эдельсоном в качестве «дельца», над чем они оба очень смеялись. Приехали они по поручению одной дамы, которая жила тогда в Москве и имела в Самаре какие-то недоразумения с своими родственниками. Эта дама была приятельницей одной из моих сестер и еще задолго до их приезда письменно рекомендовала моей матери этих молодых людей.

Об Эдельсоне я уже много прежде слышала от моих сестер, которые видали его в Москве. Он тогда увлекался Лессингом, переводил его «Лаокоона», и сестры мои находили его очень умным и интересным. <...>

Про Островского говорили, что он тоже «пописывает», и потому их приезд очень интересовал меня. Наконец они приехали, и как только я услышала, что они у нас, вышла в гостиную и тотчас же узнала, по рассказам, белого, розового, с красивыми чертами лица, рыжего и кудрявого Эдельсона и догадалась, что бледный, высокий, тонкий, с большим лбом и совсем прямыми белокурыми волосами молодой человек должен быть Островский. Эдельсон уже говорил что-то горячо и интересно, вовлекая всех в разговор; белокурый молодой человек больше молчал и казался очень застенчивым и незанимательным, хотя смотрел на нас как-то не совсем просто, что меня против него сразу вооружило. В провинции в то время гостеприимство было самое радушное, и эти молодые люди остались у нас обедать, а впоследствии все время, свободное от занимавшего их дела, проводили у нас или вместе с нами у наших знакомых.

На другой же день Эдельсон сообщил нам, что Островский написал комедию из купеческого быта, что рукопись с ним в Самаре и что если его хорошенько попросить, то он, пожалуй, прочитает ее нам, потому что вообще перечитывать свою комедию ему полезно. Все тотчас же стали просить Островского, он очень мило и просто согласился и сам пошел на свою квартиру за рукописью. В его отсутствие Эдельсон начал внимательно готовить все для чтения на круглом столе нашей гостиной: поставил свечи, потребовал графин с водой и стакан и подошел ко мне с просьбой принести карандаш, который надобно положить под руку Александра Николаевича, потому что он обыкновенно много поправляет в своей рукописи во время чтения. Я принесла карандаш, но мне казалось, что Эдельсон слишком носится со своим «сочинителем» и что решительно ничего нельзя ожидать хорошего от этого неразговорчивого молодого человека, который ни разу еще не сказал ничего остроумного, ничего особенно выдающегося. В знак безмолвного протеста я села в угол с большим моим приятелем, мальчиком моих лет, Сашенькой П., который отлично умел всех представлять и уже с первого свидания с Островским точь-в-точь изображал его, с манеры говорить несколько в нос до привычки держать большой палец в верхней бутоньерке фрака. Сашенька тоже уверял меня, что, кроме смеха над самим автором, из пьесы белокурого господина ничего не выйдет. <...>

Итак, в качестве смешливой барышни, я села в угол. Как теперь вижу, как все это происходило. Все сели вокруг стола. Эдельсон поставил мне стул подле себя и пригласил сесть поближе. Я отказалась тем, что с моего места очень хорошо слышно. Островский

¹ Вера Захаровна Головина (Воронина) — писательница, печатавшаяся в 1863–1911 в журналах «Отечественные записки», «Русское обозрение», «Исторический вестник».

² В Московском коммерческом суде.

развернул рукопись, пригладил ее рукой, поправил правые уголки листочков, чтобы легче было перевертывать, прочитал действующие лица, с небольшими комментариями, и начал читать своего «Банкрота» (как он прежде назвал «Свои люди — сочтемся!»). Читал он, как и говорил, несколько в нос, но это сейчас забывалось, потому что читал он превосходно. Во время первых двух сцен Сашенька П. поглядывал на меня вопросительно и даже попробовал делать комичные мины, но я ушла от него к столу, села против Островского и уже не спускала с него глаз. Окончив первый акт, он медленно поднял глаза, слегка взглянул на всех и далее без словесных похвал, которые поднялись около него, увидел, что совершенно покори́л своих слушателей. Когда впоследствии он несколько раз читал у нас «Банкрота» при самой разнохарактерной публике, такова была сила его таланта, а также и мастерского чтения, что он всех без исключения захватывал и поработал. Кто не помнит, как впоследствии в театре все, от первых рядов кресел до райка, с одинаковым увлечением ему аплодировали и его вызывали.

После такого авторского успеха Александр Николаевич сделался нашим общим любимцем. Евгений Николаевич Эдельсон комично жаловался, что Александр Николаевич отбил у него всех собеседников, что около него нет совсем реплик и он должен удовлетворяться одними монологами. Сам Островский сделался сообщительнее, разговорчивее. С моими сестрами велись у них оживленные споры и серьезные разговоры, в которых мне редко приходилось участвовать, потому что у меня был свой молодой кружок. Эдельсона мы всегда вербовали для разных *jeux d'esprit*¹, которые он чрезвычайно оживлял. Александр Николаевич тоже часто к нам присоединялся и иногда утешал нас теми смешными купеческими словечками, на которые он был такой мастер. Многие из этих словечек попадались нам потом в его позднейших произведениях.

Тогда был зимний сезон, я уже выезжала, и мне захотелось воспользоваться нашими новыми знакомыми как «кавалерами». Они оба очень мило покорились. Эдельсон усердно танцевал на наших балах, и его очень полюбили все мои подруги. Островский тоже снисходительно соглашался на одну или две кадрили и всегда брал себе визави моего приятеля, который так любил его, что сделался чем-то вроде его пажа.

<...>

Александр Николаевич очень недурно пел; я умела аккомпанировать; у нас нашлись знакомые ему романсы, и он никогда не отказывался петь, когда его просили. Мне никогда впоследствии не приходило в голову спросить у кого-нибудь из людей, близких Островскому, что сделалось с его голосом и его пением, но тогда мы им очень любовались. Мне даже тогда казалось, что ему больше нравятся его успехи как исполнителя некоторых тогдашних романсов, чем как автора.

Но вот пришел и день отъезда наших новых знакомых, и мы простились с ними с большим сожалением. Верный паж Островского и мой брат поехали их провожать до первой станции, за Волгу, как тогда часто делалось для добрых знакомых. Потом мы стали ждать писем от них, как они нам обещали. Тогда путешествие в Москву продолжалось целую неделю; почта ходила немного скорее; письма их пришли не скоро, и письмо Александра Николаевича совсем нас не удовлетворило. Это было очень просто написанное коротенькое письмо к моему брату с просьбой поблагодарить мою мать и всю нашу семью за гостеприимство. А мы от автора «Банкрота» ожидали чего-нибудь выдающегося в литературном отношении. После этого письма мы долго не имели никакого известия от Островского, а в это время о нем уже заговорили в журналах. Впоследствии, когда была напечатана «Бедная невеста», Островский прислал моей сестре экземпляр с надписью:

«Надежде Захаровне Ворониной от виновного, но способного к исправлению автора».

¹ Остроумных игр (*фр.*).

Но способный к исправлению автор не исправился и совсем забыл своих старых знакомых.

Долго после всего этого, в начале семидесятых годов, я была в Москве и попала на французское представление «Belle Helene»¹ в Артистическом клубе. После представления меня провели по залам и показали полного, с красноватым лицом и окладистой бородой господина, ужинавшего за одним из столов, и сказали мне, что это Островский. Вглядевшись хорошенько, я его узнала: тот же лоб, тот же взгляд. Тогда он был в самом апогее своей славы, — но я не нашла удобным возобновлять тут наше знакомство. После я с ним нигде не встречалась.

¹ «Прекрасная Елена» (франц.).